

Василий
Добрынин

ЧТО
ТАКОЕ

ПДС?

Василий Добрынин

Что такое ППС?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18476288

Аннотация

Холод пробежал по телу. а сейчас что – не война? Пусть не на поле боя – в душах че-ловеческих – но, та же самая война. И жизнь в ней, как и во всех других – не стоит ниче-го! Сегодня водку вместе пьем, а завтра отдадим приказ: «В расход!» Смутное, смутное время на закате XX века...

Что такое ППС?

Роман

Рассказы

«Всюду – это нигде конкретно. А начать бы с себя: от верхней одежды, до самой сути! Все находится там». Так принято, что ли, у русских сыщиков?

А если сыщик Потемкин прав, поражает одно: «Неужели так много находится в нас?!»

Хроника смутного времени – 1991

Роман

– Товарищ капитан, там Вас хотят видеть...

– Там, это где? Вот там? – Потемкин кивнул вопросительно в сторону неба.

– Да что Вы, там... – спохватился сержант: «Ничего себе, шутки!» – и рукой указал вниз, за окно.

«Не из приятных, конечно, – подумал о собственной шутке Потемкин, – но впредь изъясняться яснее будет, а может не будет...» – и уточнил, – Сколько их, и с чем ждут?

– Да, один человек... Там, на улице ходит и ждет. Ни с чем, – уточнил сержант, и не прощая Потемкину шутки, добавил, – Без ружья, топора, ножа и прочего вооружения! Говорит, что Лемешко. К Вам. Как и что, и какой вопрос, не сказал. Говорить вообще не хочет...

– Не хочет? А зачем же ко мне?

– То есть, хочет, но только с Вами ... Сказать, что Вас нет, Вы на выезде?

– Не обманывай. Я к нему выйду.

«С ним, – про себя улыбнулся сержант, – умничайте, а не со мной...»

Тот был крутой фигурой, без башни! Почудил в знак протеста отчаянно и прилюдно. Снял с багажника «Жигулей» телевизор и грохнул его на асфальт. «Произвол!» – всхлипнул разбитый вдребезги, раскатившийся по асфальту цветной телевизор «Рубин» – подарок теще, в Россию.

Граница между Россией и Украиной – явление новое, неожиданное, нелогичное, нехорошее... Но, граница – это запреты. А запреты всегда удобряют почву для свежих, проблем. Философом не был, и не философствовал на эту тему Лемешко: просто лишь вез из Донецка в Курск телевизор в подарок теще. Знал, что запреты новорожденной границы ввели лицензирование на вывоз цветных телевизоров. Не возражая порядку, ходил за лицензией в облсовет. Неудачно ходил: документа не дали, потому что в Донецкой области разрешения на вывоз цветных телевизоров кончились. «Постарайтесь вопрос решить там, на границе» – подсказали ему.

А на границе, как оказалось, выдача разрешений законом не предусмотрена. Те, кто стоят у последней черты, на линии госграницы, без лицензии не выпускают дефицитный товар.

Почва удобрена щедро, проблема росла, на глазах становясь неподъемной, не решаемой просто, по-человечески.

– 150 рублей стоит ваша лицензия, – просит Лемешко, – ну, будьте людьми – возьмите мои 150 рублей. Возьмите, я их плачу, отдаю свой долг, и прошу – возьмите! – протягивает деньги. – И я ничего не должен, прощаюсь и еду?!

Милиционеры, контролирующие последнюю черту государства, денег не берут.

– Оформление вывоза – не наша парафия, не в нашей власти...

– Да я же плачу свою пошлину! Плачу – вот они, деньги. Плачу – и еду! Какие претензии, а, ребята?

– К Вам – никаких. Езжайте.

– А это? – указывает на телевизор измученный гражданин. – Ну я ж не хитрю, не прячу, открыто везу. Что я – преступник, контрабандист? Да вы что, ребята, сержанты, инспектора! Или вы не ГАИ, или вы не люди?! Что же – никак?

– Мы, конечно – ГАИ. Но и – только ГАИ. Вас, и Ваше авто выпускаем. А это нет.

– Ах, вот так! Ну я понял вас. Я вас классно понял! Нет, значит нет!!!

И через край багажника на крыше авто, новый еще «в целлофане», телевизор, слетел на асфальт.

«Вот это да!» – стон прокатился в рядах очевидцев.

– Теперь, – переступив через обломки, спросил бунтарь, – я имею право ехать в Россию, к теще?

– Да, – стушевались милиционеры, – конечно. Езжайте!

Бунтарь дико сверкнул глазами и не прощаясь, хлопнул дверцей. Взревел мотор.

Обломки телевизора, – несчастного, из перечня товаров, запрещенных к вывозу, остались, колючей памятью на асфальте. И долго, пластик, дерево, стекло, металл – осколками врезаясь в шины, уезжали прочь в чужих колесах. И попадали в запрещенные края, развеивались прахом, и ложились там в асфальт, как в вечность.

А теперь скандалист вернулся и хочет поговорить с «Не мед, – оценил сержант, – Потемкину с ним общаться. Главное – а зачем? Телевизор родить из раскатанных по асфальту обломков? Сказали бы: нет на месте – на происшествие уехал опер...»

Кого винить?

Потемкин в гражданской одежде, Лемешко вежливо уточнил:

– Товарищ капитан, не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, Лемешко. Добрый день.

– Взаимно, добрый! Две минуты хотел бы с Вами поговорить спокойно. Можем?

– Две минуты спокойно? – дружелюбно уточнил Потем-

кин, – Хватит нам двух минут?

– Лучше бы двадцать. Сегодня, видите – я спокоен. И, лучше не здесь

– Идемте в кафе... – согласился Потемкин.

– Неплохое кафе, – оценил Лемешко, – уютно, тихо... Может быть, коньячку или пива? Я бы не прочь. И пообедал бы. А Вы не в форме – значит Вам можно?

– За Ваш счет?

– Ради бога, не обеднею. Конечно, за мой!

– А по поводу? В знак мировой?

– Мировой? – не смутился Лемешко, – А у нас войны не было. И вины своей я не чувствую. За малодушие стыдно – это есть. Конечно, устроил цирк! Убил, как Тарас Бульба: собственной рукой, свой телевизор. Дефицит... Смешно. И дешевый цирк. Что и кому доказал своим действием? Но стыдно мне – а почему? Почему же мне?

– Должен Вам объяснить?

– А почему бы нет, капитан?

– Денис Евгеньевич... Я верно говорю?

– Да. А Вы запомнили... Значит, достал!

– Привычка... так, ненадолго запомнил. Скоро забыл бы.

– Ну да – а кто я, чтобы помнить? Мелкая сошка, песчинка...

– Самоед Вы, Денис Евгеньевич, давайте закажем два кофе и ближе к делу.

– Давайте ближе. Знаете, как жаждал я, первый раз в жизни, дать взятку?

– Могли бы не признаваться, ни в чем мною не подозреваемый...

– И не признаюсь. Я не признаюсь, я хочу, чтобы Вы это знали. Знали, что творилось в душе человека, которого Вы профессионально, скоро благополучно забудете. Меня забудьте, а это – справедливо было бы Вам это знать.

– За этим просили о встрече?

– Да, что хотел сказать, собственно и сказал... Хотя, может быть, и у Вас нет сердца? Но кажется, есть надежда, что Вы поймете...

– Постараюсь понять. Но, знаете, что я не из ГАИ? Инцидент был с ними...

– Знаю – из уголовного розыска. Но Вы их курируете, или старший у них. Вашей структуры и так не знал, а в такое время... – махнул рукой, тяжело вздохнул Лемешко.

– «Такое»? – переспросил Потемкин.

– Да, смутное время...

– Смутное... – не возразил Потемкин, – Но, Ваша взятка не состоялась: какие проблемы? Кого виним?

– Не состоялась. Бегал, хватал должностных людей за руки, вталкивал деньги. Но это начало: вся страна будет бегать также.

– Вот такой большой взяточник скоро у нас появится?

– Появится. И большой – больше не может быть. Бред?

Сами судите. Я не о том неврастенике, который смахнул телевизор, плюнул в обломки, и убрался к чертовой матери! Я о том добросовестном гражданине, который, уважая и чтя интересы державы, оформлял вывоз телевизора из Донецка в Курск.

В отделе экономики облисполкома, инстанции, которая оформляет вывоз, чиновник выслушал мотивы. «Семья накопила средства и загодя приобрела подарок к дню рождения тещи, которая живет в Курске. Можем теперь отвезти и вручить подарок?» «Государство не вмешивается в личную жизнь своих граждан. Везите. А что за подарок?» «Телевизор «Рубин». «Рубин? Так это уже не подарок, а предмет, вывоз которого за пределы Украины регламентируется государством!» «А что делать?» «Идите в 501 кабинет, пишите заявление. Там сверятся по квотам, и если квота не исчерпана – получите лицензию на вывоз. Оплатите 150 рублей, и тех же телевизоров, хоть штук сто пятьдесят – везите! Лицензия – Ваш документ на вывоз. Ясно?»

«Рубин»? – переспросили в 501-м, – Цветной? Жаль. Если цветной – не можем!» «Но, ваш начальник...» «Да, при чем начальник? Понимаете – есть квоты. А по телевизорам цветным, они по нашей области давно исчерпаны. Такие же как Вы, все под чистую вывезли. В неделю по пять тысяч! Вам бы раньше ...» «Мне же не пять тысяч, а всего один – один, в подарок!» «Это не подарок – а изделие, вывоз которого регламентируется государством!»

Я еще раз ходил к начальнику, который поначалу обнадежил. Он развел руки: «Что ж... Вам отвечал специалист, он ситуацией владеет. Квота... Раз уж ее нет – мы не имеем права...». «А без лицензии поеду, что мне за это будет?» «Вам – ничего. Вас выпустят, а телевизор, извините, нет!» «Конфискуют?» «Нет, конфисковать не велено»

Вот где приземленным ниже плинтуса в ковровых коридорах облисполкома, я почувствовал себя.

«Ну, неужели никакого выхода?» – отчаивался я. Какой-то скромный клерк, с оглядкой и сочувствием, поколебал мое отчаяние: «Безвыходное положение? Рискните, поезжайте...» «А что там?» «А может у кого-то из сотрудников окажется тут сердце... – показал он на себе, – и Ваш вопрос решится» «А у Вас, – спросил я, – сердце есть?» «О, нет, что Вы, я не знаю Вас!» – клерк быстренько исчез.

Рискнул. Не повезло: не оказалось сердца... Я проехал, а «Рубин» – вот этими руками об асфальт! Вам интересно?

– Да. И я ведь обещал понять.

– Спасибо, что не посмеялись.

– «Большой взяточник» – Вы интересно сказали. Черты его некие, как в фотороботе, в Ваших словах проявляются. Но больше всего убеждает Ваш опыт в том без взяточдателя, нет взятковзятеля.

– А я не все сказал...

– Что же, сказавши «А», говорите и «Б».

– Скажу. Знаете, за Белгородом Ивня – сельский городок?

Кафе на трассе, под шатром. Остановился, дух перевести. Обиды, злости, через край. Водитель фуры, мой земляк, увидел и разговорил. Послушал, посмеялся надо мной, и рассказал, как надо жить.

Он пересекал границу, как и я – с «Рубином». Но у меня одно, а у него – 150 изделий. Он с абсолютной точностью, шутя, пересказал мой диалог с чиновниками облисполкома. «Такие, как и Вы, – я пересказываю точно? – в неделю по пять тысяч вывозили. Караул!» И квоты исчерпали, так? Они же это говорили? Так! А сколько телевизоров на рынке, знаешь? Нет. А кто знает? Никто! А сколько норма, сколько «Караул!»? Но, у чиновника есть право, дать «Добро» или послать, как например, тебя. Карты в руки – квоты! Сам скажи, они кому-то подконтрольны? А кому: начальству? Может быть, народу? Никому!»

Он мне напомнил фильм, который помните и Вы: «ТАСС уполномочен заявить» «Но у слуги закона сердце есть...» Так в той стране, герою мотивировали взятку. Законы там несовершенны, но есть «сердце» у слуги. Когда слуга берет? Да когда карты в руки! Не вымогает – соглашается, сердечно, просто, и с любовью. Это правда. Я бы дал: и там, и здесь дал. Не взяли.

– Вы не противоречите себе?

– Ах, нет, нисколько! Я вынужден, я обречен, дать взятку! Дал бы. И не по той причине, что порочен – некуда деваться! Не взяли. А почему? Нужна была та, случайная встреча в

кафе, чтобы это понять.

– И как? Удалось понять?

– Да. А Вы бы могли объяснить?

– Не знаю. Мне Ваша версия интересна.

– Бессердечность чиновника объясняется просто – мелкий заплыв. То есть, у меня всего лишь один телевизор – шестьсот рублей. «Сердечность» чиновника есть – не выдумка, и обойдется она просителю в 10 процентов от стоимости вывозимого товара – «десятину». А это – 60 рублей с меня. Смешно! Есть смысл нарушать закон, за 60 рублей? А тот, зарядивший телевизорами фуру, «слуге за сердечность» отстегнет свою «десятину» – от тысячи до двух зелеными!

– И здесь предъявит нам лицензию...

– Вот именно! И я теперь все понял. Свой «вес», и свою «десятину» – я понял все! И посмеялся над собой. «Спасибо!» – говорю шоферу-просветителю и коммерсанту, а он мне: «Минутку!» Прыгнул в кузов, попросил помочь. Мы вынули коробку: господа, «Рубин»! Такой же, как я здесь расквасил на асфальте. «Бери! Ты не забыл, что едешь к теще?»

– Это, я так понимаю, «Б»?

– Нет, капитан, еще не «Б»! Он, видя с какой радостью я обнимал коробку, говорит: «Теперь немного о твоей работе. Я ее ценю, и полагая, что помог тебе, надеюсь на взаимность. Дочка первый курс закончила, учиться ей еще, учиться... В общем, принесет «зачетку»...

Смял сигарету – тщательно, как затоптал коварный, низовой огонь, Лемешко.

– А это взятка. Так? Денис Евгеньевич?

– Конечно, взятка! И я взял, а мне не стыдно. Перед кем? Державой? Вами, с вашими законами? За что должно быть стыдно? Кто заставил? Я мог бы промолчать, но вывод потрясает: взяткодатель – вся страна! А взяточник – Держава.

– Вот это, я так понимаю – «Б»?

– Полнейшее, товарищ капитан!

Птицей, на мгновение взлетела, и упала, хлопнув по столу, ладонь. Лемешко сказал все.

Потемкин глянул на часы.

– Да, – спохватился дерзкий собеседник, – а позволите спросить?

– Пожалуйста.

– Я... – чуть стушевался собеседник, – не осмелился б спросить, не ожидал, что так, по-людски, выслушаете бред...

– Бред не стал бы слушать. Я посмотрел в реальность, аргументированно, взвешенно, развернутую Вами.

– За это благодарен. А спросить хотел бы вот что: Вы сами понимаете – зачем Вы здесь? Кому Вы служите? Народу – те есть, мне, вот им? – жестом указав на трассу, откровенно усмехнулся собеседник. – Нет ощущения, товарищ капитан, что боретесь с народом?

– Вопрос хороший. Без иронии, спасибо. Но ответчу: я на службе, для которой мои ощущения не в счет.

– Закону служите?

– Конечно.

– Да они, законы ваши...

– А это возмущение я подкреплю своим, и возвращаю Вам. Мои законы? Да они, скорее – Ваши! А я им служу – обязан. Народом избрана законодательная власть – не мною! Правительство мы, как известно, получаем то, которого достойны!

– Правда..., – севшим голосом признал Лемешко, – Я Вам правду-матку резал, а Вы мне истину напомнили... простую, – тяжело вздохнул он, улыбнулся, – простую... И вопросов больше нет. Спасибо.

– Взаимно. Всего хорошего! – ответил Потемкин.

Раздосадованный простотой слов капитана, Лемешко, уходя, не обижался. Думал о капитане, и в последний миг, когда мог еще слышать Потемкин, Лемешко окликнул:

– А, может быть, капитан, в милиции применение лучше этого Вам найдется? Справедливей? Лично Вам, Потемкин?

Тот не ответил, но чувство свободы и легкой опустошенности, одновременно вдыхает Лемешко, сознавая, что сказал все. Он шагал, улыбаясь от солнца, которое, вплавляясь лучами в глаза, заставляет щуриться от избытка света.

«Белое солнце пустыни!» – подумал об этом Потемкин. – «За Державу обидно!»

В машине, запертой на солнцепеке, от зноя попадали мухи...

Мотор задрожал, выводя «Жигули» к полосе разгона. Свежий воздух, бескрайний и чистый, накатит упруго и шумно, наполнит салон. И ударит волной возбужденного встречного ветра, в лицо.

«Я-то душу отвел, – делал вывод Лемешко, – а вот капитану – хуже. Ему, без отдушины, и задохнуться можно!»

«Сердце есть, – признавал, покидая границу, Лемешко, – но сорняка... Так много сейчас сорняка вокруг нас – прет изо всех щелей, и не затрется, не высохнет скоро, не раз о себе напомнит.

Граница ломала нервы и даже судьбы. И процесс был в разгаре. Все будет еще! Еще все впереди...

Альфред – «Меркюри Глоб» – потемки...

У начальника ССПМ*, (*Стационарный специализированный пост милиции. Предок современной таможни) затарабанил телефон:

– Майор Цимбал?

– Да. Добрый день, это я.

– Ничего себе, добрый! Скажи-ка, кто там у вас Потемкин?

– ОУР

– Понятнее!

– Оперуполномоченный уголовного розыска.

– Розыска? А зачем Вам такие?

– Две должности оперативников: ЗЭПП* (*Защита экономики от преступных посягательств) и ОУР – по штату последнего времени.

– С ума сойти! ГАИ, ЗЭПП, ППС – понятно. Ну, а сыщик зачем?

Не ко мне вопрос...

– Не к тебе, ладно... А ты скажи, сам доволен своим ОУР?

– Вполне.

– Вот как? Ну-ну...

Цимбал, положив трубу, стал ждать. Такой звонок не ходит в одиночку. Верно, тарабанит снова...

– Человек тебе звонил только что...

– Да, только что...

– Давай без шуток Сиди, жди на месте. Подъедет Давидович, посвяти его в курс дела по триаде: ЯМЗ*(* Ярославский моторостроительный) – Золотоноша – Кременчуг. Договорились?

– Да.

– Вовремя приехал! – объявил, выйдя из машины, Давидович, – Пришел сказать тебе, майор, что время – перерыв. Пора обедать! – постучал по циферблату новеньких часов.

– Согласен.

– Так давай, веди в кафе!

Обедали в отдельном кабинетике, без посторонних.

– Шеф звонил? – заговорил о деле Давидович.

– Да. Вот знать бы, чей запрос...

– Так полагаю, Альфреда.

– Жаль. Темненькое дело.

– Брось! У Меркюри по документам все в порядке, так?

– Да, так. Лицензия на вывоз сахара имеется. За подпи-

сью, печатью...

– Ну а какого черта сорок тонн изъято? Что, ошибка?

– Нет.

– Но документы же в порядке: подписи, печати и договора? А документ – вердикт закона. Самоуправство, Цимбал!

– Не самоуправство. Вердикт – вердиктом, но у Закона есть слуга...

Давидович потряс головой:

– Объясни для простого ума, майор...

– Фирма, известная Вам – «Меркюри Глоб Юкрейн ltd» – рука спасителя для Кременчугского автозавода. Поставляет дизели, без которых автозавод не может выкатить свои тягачи с конвейера. Дизели из-за границы – Россия: Ярославский моторостроительный завод. Оплата – бартер. Ярославцы согласны дать КраЗу моторы, в обмен на валюту, то есть, – чистый и белый, наш украинский сахар.

Давидович нетерпеливо мотнул головой... – Понятно! – вспылал Давидович, – Коньяк перегрели, майор!

– Виноват... – вздохнул Цимбал и, как прощаясь с миром, в котором недавно была справедливость, опрокинул рюмку.

– О-о! – опустошив свою рюмку, хрюкнул от удовольствия Давидович.

– А «Меркюри Глоб Юкрейн ltd», – продолжал майор Цимбал, которому коньяк показался горьким, – нашел возможность поставить моторы, в обмен на сахар. Заключил договор и добился лицензии.

– Так значит, они же герои – «Меркюри Глоб Юкрейн ltd»

– Ну, довольны все. КраЗ получил моторы; россияне – сахар; а Меркюри – законную прибыль.

– Так за что же теперь, на твоём посту, они так жестоко наказаны? Что мы творим? Беспредел?

– Не беспредел. Все проверено. Наш оперативник ездил на КраЗ и на сахарный завод. Нарисовалась картина: КраЗ получил четыре дизеля. Четыре и просил.

– Ну?

– КАМАЗом сахара рассчитались. Одним. А сахар возит и до сих пор.

– КАМАЗами?

– Ну, да, не «Жигулями» ...

– То есть, хочешь сказать?

– Да, левый сахар. Бартер тут ни при чем.

– Левый? – нахмурился Давидович.

– Да. И десятки, скорей всего, сотни тонн. Не говорю о

громадной прибыли Меркюри. – это не прибыль. Поскольку лицензирование – прерогатива государства, прибыль Меркюри – это хищение государственных средств, в особо крупных размерах.

Давидович хмурился, и сам того не замечая, грел коньяк во взвешенной ладони.

– Это что, все тот твой опер раскопал?

– Не только раскопал, и закрепил документально.

– И кто просил?

– Что значит, кто просил?

– Но, я так понял, к документам здесь, на посту, претензий не было?

– Не было. Лицензия в порядке, с мокрыми печатями, к ней договор. Да все как надо.

– Вот видишь? поднял рюмку Давидович, – Видишь сам: нет опера – претензий нет. Давай-ка за отсутствие проблем!

Выпив за отсутствие, он пояснил:

– Категорически проблем быть не должно! Меркюри – под патронатом Большого Степана. Под тесным, я скажу, патронатом! Теперь ты понимаешь, в чем глазу– соринка, этот твой ОУР? Подумай, что-нибудь придумай, а изъятое верни. На пользу оперу тому же, и себе...

– Ты знаешь, каким образом вернуть? Материал на стадии, в которой поломать его нельзя. Придумай сам, может, и меня научишь.

Стремительно раскручивались вихри девяностых. Год назад, Потемкин, Цымбал, были бы героями, в державную казну вернулись бы украденные деньги. А теперь? Теперь что-то не плачет по украденным деньгам державная казна, или самой. Державы нет?

Сорняк прет изо всех щелей. Коварные ростки асфальт ломают, а не то что нравы и людские судьбы...

– А это – не моя проблема! – остатки коньяка разлил по рюмкам Давидович. – Сам решай. Сам виноват, что не следил за операми!

Виталик

Виталик потянулся к пачке сигарет, неуверенно, в тяжелых мыслях, прикурил.

– И дальше так пойдет, про «Мальборо» забудешь. На «Ватру»* (*Дешевые сигареты без фильтра) перейдешь, Виталик.

– Безвыходных позиций, – надеется Виталик, – не бывает...

– Ты же вчера еще работал в той системе, ты повадки знаешь, тебя помнят – и только потому ты мне, Виталик, нужен. Сорок тонн изъято – твой прокол! А кто ответит?

– Не я, – несмело возразил Виталик, – готовлю документы...

– Но, Мальборо кто курит? Чего ради? За документы с

тебя спроса нет. Да ты, я вижу, в перестройке не участвовал? А все решают люди. «Человеческий – как Горбачев указывал нам, фактор! Ищи людей, купи – когда купить имеет смысл. Договорись, а если надо – устраняй!»

Ледок скользнул под сердцем с таких слов. Как может он так запросто сказать: «А надо – устраняй!»

– Виталик, действуй!

Застыв монументально, с прищуром в глазах, шеф поднял трубку. Набрал номер и, дождавшись, коротко сказал:

– Про эти сорок тонн, забудь! Ушли. Куда? Да в трещину козе! Достанешь?

«В трещину козе!» – Виталик чуть не рассмеялся.

«Специально так делают, что ли?» – подумал инспектор, увидев, уже не впервые, что лобовые стекла иномарок, наклонены так, что всегда «бликуют». Поэтому за ними лиц не видно. И поднял жезл.

Он козырнул и выкатил к губам заученную фразу, но голос, громкий и веселый, доложил:

– Инспектор ДПС старший лейтенант Гапченко! Добрый день.

– Ты что ли? – удивился инспектор.

– Как видишь.

– А чего кричишь?

– Да ты фамилию не произносишь, а съедаешь вслух. Тебя

б не знал, так и не знал бы, кто ты – Гапченко. Лапченко, Тапченко... Апченко – тут вариантов! Ну, как дела?

– Ничего. Ты, я слышал...

– Да, я завязал и перешел в коммерцию...

– Там лучше?

– Что ты, небо и земля! Намного лучше.

– А коммерческий риск?

– Шарабан не пустой – справишься с риском и можешь пить шампанское, виски. Ты пробовал виски?

– Ну, да. Самогон – то же самое!

– Лапоть ты, не разбираешься!

– Черт с ним. А ты куда?

– В Стрелецкое.

– В дурку?

– Да нет, по делам.

– С дураками бизнес?

– Ну, там же не только больница, не все – дураки.

– Может быть. А в коммерции чем тебе лучше?

– К примеру?

– Ну, да, к примеру.

– Что ты куришь?

– «Магну»

– Ничего так, «Магна»?

– Нормально.

– А я – «Мальборо»! Разница есть? Ну, давай!

«Тапченко... Лапченко... – перебрал, глядя в след, ин-

спектор, – а на фи́га им моя фами́лия? Но, «Мальборо», – прав он – не «Магна»!»

– Давайте знакомиться, я – Виталик! – протянул он руку. Директор ОПХ* (*Опытно-производственное хозяйство) посмотрел и, подумав: «Чего бы и нет?», пожал протянутую руку:

– Иван Сергеевич!

Пришедший был похож на проходимца, да что в этом плохого, когда и без того уже, все совершенно плохо? Хуже не бывает... Но, проходимцы суетятся, и что-то, как-то, в этой суете, может перепасть и стороне случайно. Директор, прошедший школу Перестройки, это знал, и поодаль случайной стороны держаться, попросту не видел смысла.

– Ну, как живем и дышим? – начал издали Виталик.

– Как и все – на ладан...

– Ну, да чего же все? Не все на ладан дышат.

– Да? А не научите меня?

– Научим. А у вас склады пустуют?

– Да. Конечно.

– Иван Сергеевич, – огляделся, хмыкнул, и прямо к делу перешел Виталик, – такое дело... Мы хотели бы, на долговременной основе, их арендовать. Официально, или как удобно Вам. Одно условие...

– Я понимаю – чтоб никто не знал.

– Ну, да. Вот именно, Вы молодец, все совершенно точно!

Нет у Вас болтливых?

– Не волнуйтесь. Нет. Здесь все свои.

– Вот то, что все свои – это как раз то, что нужно.

Поговорив, договорившись, Виталик оценил: мысль, навестившая его, была буквально золотой. Нет, курить «Ватру» не придется!

Выбрав лучшую, среди других полянку у обочины, Виталик отдыхал. Открыл банку пива, покурил, попил, снова открыл банку пива – все верно. Все о' кэй! Шеф должен оценить! Пусть заберет свои слова, о неучастии Виталика...

«Фактор человеческий» – Виталик такой фактор представит! Пил пиво, курил и обдумывал: все-таки, риск... Может, высываться – ну б его на фиг – и так хорошо?

Но, во-первых, слишком уж низко, совсем как мальчишку на побегушках, ставит Виталика Альфред. Пусть гонор слегка поубавит. А во-вторых – жизнь рисовала настолько хорошие, сильные перспективы, что даже, слегка подташнивало.

Последнее, может быть, правда – от пива и сигарет, впере-мешку, да на голодный желудок... «Но, – потянулась рука к замку зажигания, – нет... То есть, да – надо действовать и не только водить иномарку, но и занимать свое место в жизни!»

«Повадки их знаешь...» – усмехался Виталик, в мыслях парируя шефу, – Знаю!» Он будет использовать эти повадки,

и начнет прямо сейчас же – со Славика.

– Что, разговор с дураками короткий? – интересуется Славик.

– Нет, вполне даже нормальный.

– А чем озабочен? Вижу, весь в мыслях, как Ленин...

– Психолог.

– Что?

– Полковник, помнишь, всегда говорил: инспектор ДПС – прежде всего, психолог? Но, – ты прав – я озабочен. О тебе забочусь.

– Обо мне? С каких это...?

– Служба – службой, но друзьями-то мы остаемся...

– Говори, что нужно?

– Психолог нужен. Сядь, есть разговор.

– Не против? – Гапченко увидел на торпеде пачку «Мальборо»

– Да, ради бога! М-мм, – вздохнул Виталик, оглядев погоны, портупею Славика, – родное, не отвык еще...

– Ну, на, потрогай... Не жалеешь, что оставил?

– Ради бога! Ближе к делу. В следующую смену, или, может быть, через одну, я тут с друзьями еду. С нами два «Супера»* (*Седельный тягач МАЗ). Я сам к тебе подойду. Груз – сахар. Но! Дай мне сказать. Документы на груз безупречны. Везем в Стрелецкое, может быть, в Переходы – смотря

где выделяют нам склады. Я как раз только что, договаривался с арендой. Я только что договорился с ОПХ. Хранить, ты понимаешь, надо.

– А чего не в городе -вы не колхоз и не сельская фирма?

– В городе цены не сложат. А тут – хозяйства нищие, склады пустые.

– Молодец! – оценил Славик, – Догадался. Я тоже бы сунулся нынче в деревню – там нищета, там люди на все согласны. Пользуйся!

– А ты тоже умный. Коммерчески мыслишь!

– К себе завербуешь?

– А что? Завербую.

– Нет. Не пойду. Какой смысл, Виталик? Автомобили никто отменит, авто-движение вечно. А это – канализация, в которой то здесь, то там – капает. Капля за капелькой – в скромную руку инспектора ДПС. ГАИшная служба – и так коммерция. Да плюс зарплата, пенсия до скончания лет. Зачем мне твоя коммерция?

– Короче, я подойду, и дам тебе сто баксов, чтобы ты купил «Мальборо», а не «Магну».

– Просто так сто баксов?

– Как другу, Славик, как коллеге. Погоны, знаешь, с плеча снять можно, но не отсюда, -показал Виталик на сердце. Или не хочешь взять у меня сто баксов?

– Хочу, но не пойму, за что. На фиг тут я?

– Затем, что мы с тобой, всегда договоримся. А у меня, –

коммерческая тайна. Ты поймешь. Ты, Славик, не меня, – судьбу остановил сегодня! Сто пудов! Психолог!

– А ты, если бы не узнал, проехал мимо?

– Кто знает. Может быть...

– Ну, тогда, – улыбнулся Славик, – действительно на судьбу похоже... А еще есть? – взял он с торпеды «Мальборо».

– Забирай всю пачку.

– Договорились, приезжай с «Суперами», Виталик!

Стратегическая идея

– Валяй! – навис Альфред Петрович, – А то мне доложили, что ты родил стратегическую идею. Это правда?

Отдельный, китайский или японский столик для собеседников у Альфреда, Перламутровый, красивый, темный, и при этом – очень низкий. Получается, что каждый, слушая хозяина, или глаза дерет наверх, или, если гордый – замечает, что дышать приходится в живот Альфреда, или ниже...

– Правда! – не дрогнул, глядя в живот Альфреда, Виталик.

– Ну так давай, подробно, с расстановкой.

– Я задействовал тот, о котором Вы говорили, человеческий фактор...

– Вот эту вот хрень, – скривился недовольно Альфред, – ты брось!

«Вообще ему возможно угодить? – растерянно замолк

Виталик. – Велит подробно, а начать подробно – кричит Хрень!» Славик вспомнился: «А не жалеешь?» Как тут не жалеть...

– Очнись! – потребовал Альфред, – И начинай сначала, только без дурацких предисловий.

– В общем, ездил я в Стрелецкое... Вы знаете, где это?

– Не лежал с дураками, но знаю.

– Там поговорил с директором Опытно-производственного хозяйства. Он мне пообещал...

– А ты, – перебил Альфред, – по дурусти своей, от лица фирмы ничего не обещал?... А то, я вижу, приткий – ему директор обещал...

– Нет, и не обещал...

– Ума хватило, молодец. Валяй дальше.

– У него склады – огромные ангары. Сколько я их знаю – года три, они пустуют. Я с ним поговорил...

– С ангаром... – улыбнулся Альфред, – но, нормально. Продолжай.

– Я предварительно поговорил о том, чтобы он сдавал склады в аренду. Мысль такая: сахар везем как обычно, только в два приема...

Альфред оставил колкие штучки, слушал. Он это делать умеет, умеет выжать собеседника все, что можно выжать. За тем, как раз и нужны его колкие штучки, чтоб разогреть, возбудить собеседника, заставить его расстараться и выложить все.

– Сначала, – оправился, осмелел Виталик, – вывозим фуру на арендованный склад. А после готовим почву и – со складов, полевыми дорогами, мимо ССПМ – везем груз в Россию.

– Два этапа – не слишком ли сложно?

– Сложно. Однако, надежно.

– А что это нам дает? – обыденным тоном задал самый сложный вопрос Альфред.

– Отменим лицензию.

– Авантюрист! – одобрил Альфред, – Не боишься с державой спорить. Два кофе! – крикнул он секретарше.

Виталик почувствовал себя не простым мальчиком на побегушках у Альфреда, пусть даже владельцем авто – иномарки, – почувствовал себя человеком. Он понимает: идея ценная – за лицензию Альфред платит немалые деньги. Плюется на это, а платит.

– Сколько там от складов до границы?

– Три километра, пять – смотря по какой дороге... Ближе: там люди за водкой полями через границу ходят. И посторонних нет, там все свои.

– Свои – это важно... А на лицензию, значит, плюем?

– Плюем, и экономим на этом.

– И под твою ответственность?

Виталик пожал плечами, неуверенно подтвердил: – Да... – и в один глоток, до дна, выпил чашечку кофе. Очень уж внимательно смотрел в глаза Альфред Петрович. И что-то

важное прокручивал в уме.

– Кури, Виталик, подумать надо.

Виталик курил, шеф думал – в кресле, а не так: живот в лицо Виталика. Шеф не менял лица. Как маршал, у которого два отпечатка на лице: спокойствие или гнев – и все. Одно из двух...

– Идея, – издали, из-за стола, сказал наконец Альфред – недурна! Вполне, как говорится, молодец! Но, не забудь – слегка подался он вперед, – твоя! И за базар, как говорится – отвечать тебе! Все, решено, гордись! Но ты все понял?

Гроза, прохладной сыростью, дохнула из глубин. «Под трибунал!» – распорядился маршал Жуков. Что означало это в дни войны? Холод пробежал по телу. а сейчас что – не война? Пусть не на поле боя – в душах человеческих – но, та же самая война. И жизнь в ней, как и во всех других – не стоит ничего! Сегодня водку вместе пьем, а завтра отдадим приказ: «В расход!»

Славик

Славик, с жезлом на отвесе, ноги разминал: вдоль, по обочине, туда – сюда. Разглядывал участников движения и думал. Слова из фильма вспоминал: советский детектив, давным-давно смотрел в кинотеатре, с девушкой: «Не имей сто рублей – это мало; не имей сто друзей – слишком много. Имей тысячу рублей, и одного друга!» Так говорил крутой

преступник взятокодатель, пойманный и севший после. Но ведь как жил! И если бы не сел... Но ведь на то и ум, чтобы не сесть.

Славик покрутил в мозгах и переделал фразу. «Пятьсот – только баксами, а друзей – лучше с баксами!»

Только что отъехал от него Виталик, и поехал в «дурку», с «Суперами», на склады. Но, как и обещал – оставил Славику «на «Мальборо», и свежие штрихи к картине жизни...

Жизнь шла. По трассе шел автобус, в сторону границы. Славик знал, зачем, куда этот спешит. Такие примелькались, как друзья, которым нечего сказать, и ничего с них не возьмешь. И поднял жезл:

– Добрый день! Инспектор ДПС, старший лейтенант...

В хорошем настроении: да как-никак – сто долларов в кармане – читал инспектор документы,

– Вы, значит, в Москву?

– Ну, да, – косил глазами на путевку, пряча удивление, водитель.

– На вывоз, запрещенного, есть, что-нибудь?

– Наркотики, оружие?

– Не только. А товары, что подпадают под лицензию.

– Смеетесь? – хлопнул себя по карманам, и, глянув в пустой – ну шаром покати! – салон автобуса, рассмеялся водитель, – Зачем? Мы же на ввоз. Мы наполняем рынок, а не наоборот!

– В Лужники?

– Нет, у них свое. Вьетнамский оптовый торговый центр.

– Хороший?

– Да весь рынок наш – оттуда.

– Я видел. А что за товар?

– Поначалу – одежду возили. Теперь уже все, и электронику тоже...

– А нам бы договориться? Телевизор мне нужен, маленький ...

– Ну, а чего же – договоримся... – помялся водитель, – Но только, поймите – за деньги. Со скидкой, конечно, но... Мы ведь не нарушаем и ничего вам платить не должны. Мы ввозим.

– Ну, потом! – согласился инспектор, отдал документы, – Еще подумаю...

«Икарусы» – под завязку набитые, – «Чемоданы», – как их называли в народе, катали через границу без устали, как человек, трудящийся во благо близких. Вся страна, и живущие в ней иностранцы, белками крутились в колесе, искали денег и работы. И оборота деньгам.

Но «Чемоданы» – челноки, работают на ввоз. За ввоз товара в Украину, денег никому не платят. «Неразумно!» – думал Славик, и вздыхал – придраться не к чему. «Смеетесь?» – это он, самоуверенно смеется над беспомощным ГАИшником – водителем!

Смутная обида рыская по уголкам души, накладывала

свежие штрихи в картине новой жизни... «Они же коммерсанты... – рассуждал, глядя вслед «Икарусу», инспектор Славик, – Виталик тоже ничего не должен. Но он же коммерсант – и платит мне. А почему – он да, а эти – нет? Он умный, и зря не платил бы...»

Картина из новых, вчера еще незнакомых штрихов, сложилась примерно такая. «Где-то, какой-то шальной урожай собирает Виталик. И в хитрую дырку выносит. И платит тому, кто стоит возле этой дырки. А вот «Чемоданы» – какой урожай собирают они! Ну, а я, где стою?»

Интересная картина, которую не рисовал бы Славик, но Виталик возбудил, навел на мысль.

Обидеть хотел, или так, посмеялся Виталик, однако, «Психолог», – он брякнул не зря. Возбудил процесс творческого мышления...

«И больше нет ничего – все находится в нас!» – песня Виктора Цоя, которой Иван Сергеевич, целиком никогда не слышал, звучала в душе лейтмотивом. Дети и молодежь от нее, и от Цоя вообще, балдели, и слышать его приходилось часто.

«Перемен. Мы ждем перемен!» – как было не слышать бывшего кочегара? Окончательно и безнадежно, у всех на глазах, продолжал разрушаться старый, худой, может быть, но привычный, мир. Ничего не осталось в хозяйстве. Техника не на ходу, площади без посевов. И опустевшие, как

в войну, изваяния – боксы, ангары, служебные помещения. Все, что осталось Сергеевичу, – руководителю этих руин. И картина полная.

Держава бросала Сергеича и миллионы других, на «подножный корм». Беднел, опускался, терял себя тот, кто Державе верил. А верить привыкли.

По этой причине и сон назывался «Хер-сон!» Работники ОПХ перешли на подножный корм, растащили технику, шифер, резину, металл и стекла – все, что можно было бы сделать бартером в элементарных и мелочных сделках – на жизнь. Но и зарплату просить уже не приходили: зачем ноги бить понапрасну?

«Хер-сон!» потому еще становился плохим и насущным делом, что директору нужно было кормить семью. Тут он был на пределе, не знал, как и все, – что делать? Но, теперь: «Все находится в нас!» – тут разве, Цой не прав?

Крушение общества и экономики, от которых веяло страхом; которые переживал он серьезно: за ОПХ, за себя и людей, за семью – того страха не стоили. Сергеич сошелся с Виталиком, и забывал, что еще недавно, не мог прокормить семью. Уже мог поменять машину. И думал о том, чтобы сахар, полученный в счет аренды, под видом зарплаты давать народу. А народ догадается сам – отвезет через поле в Россию, куда и Виталик, – и будут деньги...

«Все находится в нас!» Не верил бы в это, уставший как

все, в меру честный, Иван Сергеевич – но пройдоха Виталик принес свою правду, и убедил в непререкаемой силе. «Да за него нам молиться надо!» – думал, имеющий совесть, Иван Сергеевич...

Беднеет и опускается тот, кто Державе верит. Сергеич ей больше не верит. Виталик пришел и отменил эту веру. Дай бог...

В казенном заведении, где суетились служивые люди, шурша документами и разновалютной денежной массой, Лахновского не забывали, а он, почему-то забыл. Забыл, почему-то дорогу в отдел государственной службы, в котором «сердечность чиновника» проявлялась на голову выше, чем во всех прочих отделах и службах.

«Что-то случилось?» – гадают чиновник, готовый как прежде, и впредь «сочувствовать» сахарному бизнесу Лахновского. Менее гордым в таких обстоятельствах выглядит тот, кто звонит первым. «Пусть буду первым, менее гордым – клиентов терять, это хуже...» – вздыхает чиновник и тянется к трубке.

– Альфред Петрович, Вы? А Вы меня узнаете?

– Конечно. Что Вам, дорогой?

– Как здоровье Ваше, дела?

– Ничего, слава богу.

– Очень рады за Вас. Очень. Да, вот давненько что-то, не беспокоите нас. Мы хотим напомнить, что как всегда будем

рады помочь Вам.

– Бог мой, да разве я сомневаюсь? Нет, я Вам верю, и процветания искренне Вам желаю.

– Спасибо... – помялись в трубке.

– А вот что скажите-ка, друг мой, – просит Лахновский, – Вы ставки за свой документ не меняли?

– Вообще-то, меняли. Да только для Вас все останется тем же.

– Спасибо, и мой дружеский привет Ломаке! – положил телефонную трубку Альфред Лахновский.

Звонивший, конечно, был в курсе, что сорок тонн потерял Лахновский, при том, что была лицензия. Но к чиновнику, к ведомству, и документу ведомства, претензий быть не могло. Так случилось: несчастный случай...

Но разговор с Лахновским не успокоил сомнений Худшее было в том, что не сумев вернуть потерянный сахар, Лахновский откажется от этого бизнеса...

.

«А потом мы с кумой! – предвкушал на сегодня, на вечер банщик Евсеич У меня на нее всего хватит: и жару, и пару, и коньяку с антрекотом!» Евсеич готовит баньку для самих Степана Иваныча и Альфреда Петровича. Они – птицы не из большинства, что птицами бывают до тех пор, пока не сильно пьяны, а выпив – те же, что лакают водку в подворотне, на чужих поминках – свинюки, проще говоря, которые потом,

что не съедят – не мелочатся – прут с собой, оставив только безобразия, которое Евсеич и ко рту не поднесет. Питье – к нему не пристает зараза, он, конечно посливает для себя...

А эти – даже говорят не так, как те, кто показушно делает себя. Эти – говорят, как те, кто делает погоду. И без матов. Их даже слушать интересно. Но главное: не съели – с богом, аккуратно, тихо, оставляют на столе. «Кума, – по телефону звякнет банщик, – слышишь, приходи. Прибраться мне можешь...» Она поймет. Придет. И на двоих, великолепно выйдет у него с кумой.

Паутина

– Ты, я так слышал, Альфред, отказался от Ломаки?

– Да не в обиду – это бизнес.

– Обидится. А все лицензии – не забывай, – под ним.

– Он что, злопамятный?

– Не знаю. На меня он не высказывал обид...

– Воспитан хорошо, не смеет первому лицу губернии высказывать обиды.

– Я в бизнес твой не лезу, может, ты берешь тайм-аут, может быть, не возишь сахар. Но обстоятельства склоняют к дружбе, не стоит игнорировать Ломаку...

– Да, поклонюсь, при случае... – подумав, согласился Альфред.

Друзья махнули по «Смирнову», попарились, поплавали в

бассейне. «Смирнов» шел мягко, хорошо, в контрасте с холодом и жаром. И вот, когда приходит, как вечерний звон, усталость... Такая же, малиновая, благодатная, истома, в конце нормально прожитого дня, невольно хочется сказать спасибо. И день грядущий, будет для того полнее, кто сказал спасибо, кто ценит день минувший.

– Доброе чтить надо, Альфред, – неторопливо и торжественно, наполнил рюмочки Степан Иванович, – почтим же доброй памятью КПСС и нашу власть Советскую. Не забывай – они нам дали все, что у нас есть!

Альфред почтенно столкнул рюмку, с рюмкой собеседника.

– Да-а уж, – сожалел, закусывая, Альфред, – кто мог думать, как судьба ударит: «Я проснулся – здрасьте – нет Советской власти!» Рухнула держава, по земле – морщинами Вольтеровского лба – пролегла паутина границ.

– Хорошо ты сказал: «Паутина границ». Сколько мух, в виде судеб людских, попадутся, влипнут, высохнут в ней - не счесть! – сокрушенно вздыхает Степан Иванович.

«О потерянной власти, о ныне живущих, о нас пекутся...» – вздыхает банщик Евсеич, искренне уважая председателя облисполкома и бывшего, пусть не высокого ранга, но башковитого, видно, партначальника Альфреда. «Правильно переживают уважаемые люди, – соглашается Евсеич, – в границе – в ней все наши беды. Отпочковались от Союза,

отделились от корней, а теперь сохнем в нищете и полном беспорядке...»

– Ну, а за что теперь, Альфред? – разгладил хмурые морщины председатель облисполкома, и наполнил рюмочки, а другому тосту.

– Прошлое почтили, логика проста – за время настоящее теперь.

– Аж настроение в осадок... – снова пролегают хмурые морщины над бровями председателя облисполком. – Какое настоящее? Да нет его – раздробленность, границы по живому, боль, безвременье, бардак...

– А Вы Ломаке говорили так же? Он согласен?

– А при чем он?

– Он, если не соврет, ответит: «Золотое время!» «Доброе чтить надо» – к Вашим же словам я апеллирую Степан Иванович.

– И в чем оно, добро, которое не чтим?

– Не чтим, а более того, ругаем. Я за нее, как главный признак времени – границу! Пусть поживет такой, какая она есть. Здравия ей!

Звякнув над столом, столкнулись рюмки, закуска похрустела на зубах, вернулась ненадолго тишина, чтобы дать место слову.

– Ты хорошо сказал, Альфред, про умный лоб Вольтера, паутину...

– А Вы – про судьбы, в виде мух, запутавшихся в паутине...

– И мы за это поднимаем рюмки? – упрекнул себя и Альфреда Степан Иванович. – Какие ценности мы ценим?

– Подлинные. Деньги ценим. А граница – это деньги. Да – полоса, неровная и нервная, пролегшая, как Вы сказали, «по живому» – но это полоса, на которой рубят деньги. Все, кому не лень, сейчас там рубят. И я – ведь сахар – триста лет, как сахар. Да не он, а контрабанда делает крутую прибыль. А без границы – контрабанды нет.

Никто и никогда, от Альфреда такого не услышит, но Степан Иваныча есть смысл впечатлить. Пусть ценит ум и откровенность, а не только пользуется дойную корову в виде Альфреда.

– Ну, за сказанное! – помедлив, вспомнив, видно, прошлое, сравнив... поднял рюмочку Степан Иванович.

– Но, если все – то это шара... – задумался, вернув пустую рюмочку к столу, Альфред, – А шара не бывает бесконечной. Ведь не за счет ума, законодательного совершенства, рубят. А как раз – за счет несовершенства! В силу временного бардака. Ломака, как чиновник, рубит на таких как я – не шара разве: рисовать лицензии, без риска, за процент? А прочие – простые спекулянты. Пятьсот процентов дает сахар! Вот и я, пока есть шара – тоже порублю, со всеми. Глупо было б не рубить. Но, шара кончится – вот боль моя, Степан Иванович! Вот боль... Ломака на зарплату сядет, ну а я? Зарплаты нет и

некуда податься. Да и не хочу так, на зарплату. Не привык...

– Вот уж, – рассмеялся, выслушав, Степан Иванович, – Ломака на зарплату сядет: представляешь?! После шары!

Представить было невозможно, и Степан Иванович спросил:

– А ты?

– В политику.

– Какой непостоянный...

– Сами знаете, что постояннее Альфреда, человека нет. Далекая, конечно, перспектива, и я сейчас не говорил бы, но будем рюмки поднимать за будущее – все равно скользнуть по теме мне придется.

– Не ожидал... – качает головой Степан Иванович, – Не ожидал. Ты умный человек, успешный бизнесмен – бросать все это? Чего ради – славы? Она – дым...

– Дым. Точно Вы сказали – дым в глаза. Завеса, в которой деньги рубят, как и на границе. Но эта шара – круче контрабанды. «Но» – в одном, она – для избранных.

– Иди сейчас.

– Рано. Нет еще политики, и государства тоже – созревают... Я политический кузнец: пока железо горячо, выковываю деньги. С идеями в комбеды* (*Комитеты бедноты – первые структуры Советской власти) шли, а в депутатский корпус с деньгами идут. Пусть не бедняк я, – Альфред улыбнулся, – но таких денег еще нет.

– А... – Степан Иванович задумчиво разлил по рюмкам, –

Друг мой, это все – не бред? Ты что о депутатстве знаешь? Я всю жизнь в депутатах! Чужие, лишние проблемы, которые ты должен разрешить; вопросы, на которые ты добиваешься ответа; дурацкие затеи, которые ты должен протолкнуть, и куча жалоб, в которые нет времени вникать. Лишний головняк, почетный, правда – нужно тебе это, Альфред?

«Боже, как ты устарел!» – подумал Альфред.

Евсеич, привыкший быть слугой у тех, кто не нуждается ни в чем, не думал, никогда, о том, что эти люди говорят. Не рассуждал, из-за того, что верить в то, что говорят они – дать глупое занятие душе. Но интуиция была. Он улыбнулся про себя, и присмотрелся к боссу: его время выходило, а он не понимал. Из тех двоих, один смотрел вперед, другой – сидя пожинал привычки времени, которое сегодня уходило со двора.

Степан Иваныча Евсеич пожалел. Ведь слишком долго знал его. Степан Иваныч, скажем так – из тех, кто кушал хорошо, но и собак кормил, и не пинал ногами. Да время выведет вперед того, кто смотрит именно туда. Пусть даже он к собакам не так щедр, и, вероятно, будет их пинать ногами.

Не по душе Евсеичу Альфред Лахновский: скользок умом, изворотлив, как уж и холоден – он как раз из тех, кто будет ближних пинать ногами. «Именно так...» – вздыхает и чешет затылок Евсеич. В его голове зреет план, потому что банщик нутром понимает – будущее не за Степан Иванычем,

который чем-то смахивает на енота, а за ужом Лахновским. Прошрое, к которому привыкли – о нем пожалеет и поплачем, только не вернем.

– Альфред Петрович, – несмело попросил Евсеич, когда гости уходили, – у нас же, знаете, такое время трудное...

Альфред Петрович хмурился и терпеливо слушал.

– Вот, время говорю, такое... В магазинах, знаете – пустые полки, ну – одна селедка, да и все. А нам бы консервации, варенья на зиму, хотя бы... В общем, старушенция моя все просит сахарку купить, а где он?

Евсеич горестно развел ладони: – Просто нету. Ну, в киосках, разве что – но это нам не по карману. В общем, сахарку у Вас купить, ну килограммов пять, нельзя ли? И чуточку бы подешевле, можно?

– Можно, – сказал Альфред Петрович, отвернулся и пошел к заждавшемуся в стороне Степан Иванычу.

Когда кума прибрала стол, сервировала снова – уже с кумом на двоих, когда они только начали... у крыльца просигналила машина. Кума торопливо набросил блузку, расправила юбку, Евсеич ринулся к выходу.

Мягко шелкнули дверцы, багажник чужой машины, и вскоре вернулся довольный, покрасневшийся кум.

– Счастье какое, а! – обнимал он и тискал куму, – Счастье, представь – мешок сахара. Целый мешок!

Кума разделяла восторг, смеялась.

– А заплатил – ты представляешь, сколько? Ай, да не представляешь – совсем ничего. Даром! Водитель просто отдал мне мешок, шасьт в машину – и будь здоров! Вот так, кума, вот оно, счастье-то привалило!

Альфред Лахновский

Альфред Лахновский, – из тех, кого можно воткнуть в абсолютно любую почву – созреет начальник. Пойдет мыть посуду – не удивляйтесь, если услышите: кафе возглавляет предприимчивый, расторопный директор Альфред Лахновский. Устроился дворником в ЖЭКе – пройдет время, и ЖЭК возглавляет толковый начальник Лахновский. А если еще не начальник, то лишь потому, что до приказа о назначении есть еще две-три ступеньки. Лахновский ведь не получает должности – он вырастает до них. Он способен расти, потому что не для показухи, не для анкеты, а для себя – он считает главным пороком лень. Он призирает ее.

Губкой, сжатой и жадной, он впитывал все, что касалось дела. Не досыпал, не догуливал и, не в пример очень многим – не допивал. Но знал, что идущий вперед, поднимается вверх. Все дороги идут наверх. По дороге, ведущей вниз, не идут – опускаются люди....

А вперед – это, все-таки, вверх! Невеликая мудрость, доступная каждому – только не каждый дорогу свою, своими ногами топтать до конца согласен. А Лахновский не ходит в

пол-шага. Только вперед, полный шаг с полной выкладкой – непрерываемое правило, которое он выбрал сам.

Он не скажет, как многие: «Да я ведь уже и так!» – после чего, как правило, начинается загибание пальцев с перечислением заслуг. Кивнет, согласится: «Да, сделано», но не станет гнуть пальца, а станет думать: «Что могу сделать далее?» И если он до сих пор не главный в области или стране, то лишь потому, что не ставил себе такой цели.

Он умен и находчив в мыслях, но не публичен, и не поклонник юмора. Но, как всякий богатый, в конце трудов праведных, обращался к сексу, или шутам, для душевного блага. Сегодня он ждал шута.

В ожидании он, агрономом у края огромного поля, думал о самом насущном – себе и своей стране. Огромное поле – отколовшаяся от СССР страна. И ничего там – в невозделанном поле, плохого не видел. Деньги, в которых он знает тол, продолжают природный круговорот.

Понятия он не имел о том, кто такой Лемешко. Но то, что тот понял, пройдя испытание, больше похожее не на урок, а на жернова. Лахновский понял давно. Постановление № 107 от 17 июля 1991 года – не фильтр, спасающий государство от бесконтрольного вывоза последних материальных ценностей!

«Постановление № 107 – это камень, прочертивший полосу с названием «Граница» и вызвавший лавину. Лавину, под

названием «Коррупция». Камень покотившийся – то есть Порядок Вывоза– рассыплется в лавине, спровоцированной им коррупцией!

Но не Лахновский провоцировал лавину. Он просто не боится жара и огня. Он и в лавине соберет свой урожай, поймает свою рыбу...

Сегодня он не в царской сауне, в своей. Она скромнее, но не меньше царской эффективна. Все бани нынче эффективны: теперь все средние дела, великие тем более, творятся без одежды, под водочку со льда, со зноем от парилки, и расслабляющим массажем в обольстительных губах и пальцах женских рук. И водка в сауне – особый кайф. А водка безотказна.

В дверь постучали.

– Входи, дружище! – пригласил Лахновский.

Вскользнул Виталик.

– Входи. Раздевайся и докладывай, все по порядку.

– По порядку... – докладывал, раздеваясь, Виталик, – Нормально. Идут «Супера», до границы. Легально идут – на арендуемый склад. В пути остановят: «Что там? Сахар? А как насчет лицензии?» «Зачем? Груз в сторону границы, только не в Россию, а на склад. Вот, договор, имеется...» «Счастливо!» – едем дальше.

– М за что же мы двести долларов платим?

– Как?... – растерялся Виталик.

– Ну я же тебе выдаю двести долларов для ГАИшников.

Зачем, если ты им договор, а они тебе: «Счастливо!»?

– Ну, это же... как, я считаю, надо – чтобы язык за зубами держали. А то примелькаемся, нам чужой интерес не нужен...

– Чужой интерес? – на секунду задумался Альфред. И согласился, кивнул, – Не нужен. Не нужен, – повторил еще раз и в упор посмотрел на Виталика, – но имей в виду – десять ходок – уже две тысячи долларов! Дальше!

– Дальше – сахар сгружаем в Стрелецком. Это среда. В четверг мы с Сергеичем в баньке попариться можем. А в пятницу подгоняем транспорт: Обычный КАМАЗ. И через полчаса там – в России...

– И никто не видел, не сунул носа?

– Тем, кто в курсе, или может быть в курсе, – плачу.

– И Нарышкину тоже?

– Потемкину? Нет, не плачу, потому что он ни при чем.

Он не патрульный инспектор, пуп земли. А и формы не носит, и жезла нет!

– Говоришь хорошо...

– Но ведь так и есть.

Альфред, не спеша, взял «Смирнова». Разлил на двоих.

– За тебя, Виталик, твою карьеру и самодостаточность в жизни!

– Спасибо.

– Но, поле – звено слабоватое...

– Альфред Петрович, да, там все свои! И Сергеич в нас кровно заинтересован. Там каждый пес его знает! И с райотделом он, как директор, тесно общался. Начальство все знает, ОЗЭПП. Он всех знает. Он там депутат, между прочим, власть...

– Чего они стоят сейчас, депутаты! Ты где видишь власть? Бардак!

Шеф думал, как маршал, слегка тарабаня пальцами.

– Ладно, сходи, – сказал он, – попарься...

А вернулся Виталик, шеф пальцами не тарабанил, а просто сказал:

– «Шутки шутить, теперь кончился. Будем работать!» – как говорит мой знакомый пшек* (*Поляк) И будем, конечно, – и пристально, очень уж пристально, он посмотрел в глаза, – если ты мне, дружище, не пудришь мозги!

– Альфред Петрович, – тяжело, с хрипотцой, как от простуды, скрывая глухую обиду, ответил Виталик, – Вы подсчитайте, я сколько КАМАЗов отправил!

«Деньжищи! – стонал его внутренний голос, – Как можно? Такие деньжищи! И все в одиночку: рискую-то я!»

– Ох, ерунда! – откинулся к спинке, отвлекся, расслабился, шеф, – Посмотри. А зачем? Да они, – глядя вскользь, на Виталика, сетовал он, – понимают хотя бы, о чем поют?

Слетали, поднятые эхом, черные, вороны, сыпался, хлопьями снег с оголенных ветвей. Лицо, опаленное траурной

тенью, поднимало глаза – из экрана – навстречу. «Актриса красива, что говорить...» – про себя усмехнулся Виталик. Он видел уже этот клип.

– «Прошу Вас, не надо, братва! Не стреляйте друг в друга!» А как же иначе? Виталик!

Шеф смотрел на экран, и качал головой:

– А умеют, Виталик, ты видишь, умеют цеплять за живое! Клип же прекрасный. Вот сила искусства!

Гроб из мореного дуба, с ручками, бронзой – всплывал на экран – на кладбище, упокоенном белым, холодным чистейшим пухом из снега.

– Прекрасно! – жал шеф плечами, – Актуальная тема, успех обеспечен. Крутить – да по всем каналам!

«Братва, не стреляйте друг друга!»

– Будь это шахтеры, шоферы, охотники, даже солдаты – уместно просить: «Не стреляйте друг друга! Не надо!» Вполне может быть. Хорошая мысль и, – посмотри – красиво! Но, – братва, не стреляйте, – абсурд! Для чего же тогда существует братва?

Он придвинул себе и Виталику полные рюмки. А выпив, заметил:

– С Нарышкиным, друг мой, справляйся сам. Надо будет его устранить... Если надо, действительно надо – придется его устранить! Это не я говорю – обстоятельства дела! Ты понял? В бизнесе, знаешь ли, обстоятельства дела, они... – он поднял палец, потом, посмотрев на него, сделал пальцы

лопатой и показал под горло, – Важней чужой жизни! Чужая, – которая, по большому счету, твоей никогда не стоит! Все понял! Ты понял? – легкая, как от усталости, хрипотца, появилась в горле Альфреда, – Виталик, а хватит ума – по-другому решишь. Это – проблемы твои! А сможешь Нарышкина привести ко мне – оценю.

– Чтоб он к Вам перешел?

– Да, чтобы он на меня работал.

– Зачем же он, э-ээ... тогда...

– Да ты сопли не жуй!

– Так, а-а...

– Голова у него на месте – такие нужны! А что до тебя, – взглядом в упор, как сквозь прицел, смотрел на Виталика Альфред, – сознавай – вся фирма работает под твою инициативу. А что это значит? Значит, что будет прокол – разгребать будешь сам. Сам, вплоть до того, что если надо! – он вновь сделал пальцы лопатой и показал под горло, – Ясно?

– Конечно... – просипел, едва слышно, Виталик.

Последние хлопья слетали и таяли в сумерках, замерли струны последних аккордов клипа.

Чудовищный смысл дышал, крутым жаром, в словах Альфреда. Ведь, «если что!» -то там, в гробу, Виталику надо видеть Потемкина, или себя. А Лахновский останется здесь ни при чем: это не он – обстоятельства дела! Обстоятельства дела, ставят, чужими руками, последние точки в судьбах.

– А как там? – отвернулся Альфред, и рукой показал на

парилку.

– Печет!

– Сходи, испекись. А потом, – показал он рукой бассейн, – охладись. Ощутишь себя новеньким – просто младенцем, с чистой душой...

– Жаль, разминулись! Только что я, Виталик, спровадил гостя. Ах, ё-мое... – сокрушался, сокрушался, встречая гостя, Иван Сергеевич.

– Ничего, не последний раз в Вашем доме. Встретимся с убежавшим гостем... – проходя через кухню, в гостиную: улыбнулся Виталик.

Столик только что прибран. Виталик вынул из дипломата бутылку в руки, взвесил. Прочел, что сумел, по-английски, и, слыша, как грекает в кухне хозяин, крикнул:

– Виски! Сергеевич, ты это пил?

– Да где нам, простым людям... Не пил, только слышал.

– А будешь?

– Конечно. А что подавать? С чем едят эти виски? Лимон?

У меня авокады, папайи и прочего, нету.

– Будь проще. Соленое есть?

– Огурцы, помидоры из бочки. Капуста и сало...

– Отлично, Сергеич! А накурил ...

– Не курю, – появился, накрыл, и присел, хозяин, – но гостей принимал: полна горница!

– Чем это плохо? Не сам ли их звал?

– Да кого-то позвал, ну а первый – он сам... Ну, Виталик, давай твое виски!

Виталик, как принято, выпил смакуя, медленно, а Сергеич – махом, в один глоток.

– Ну, как?

– Да ты знаешь, Виталик, здорово! Дорогое? А самогоном, по-нашему пахнет!

– А что за птица, Сергеич, к тебе прилетала?

– Нормальная птица, Виталик. Оттуда – с таможни.

– Не таможня, Сергеич, а пост, милицейский.

– Без разницы нам. Он – оттуда...

– Да, и чего же хотел?

– Да поздоровался, чаю попил, и за жизнь спрашивал.

– Чью?

– Да, мою и нашу.

– Давай, не темни.

– Про склады он спрашивал.

Вкуснятина: жирный утиный кусок, завис у Виталика.

– Что? Что он именно спрашивал?

– Да, дескать, пустуют, наверное – это неправильно. Если же нет...

– Ну, и что ты сказал?

– Да вот... и сказал...

– Что не пустуют, конечно, да?

– Так ведь не пустуют ...

– Да ты что?

– Ну, это, Виталик, проблемы мои, что сказать. И склады мои. Но, я видел, скажи ему «нет» – не поверит.

– А дальше? Показывал документы?

– Конечно. А что оставалось? Но, ты говорил – все нормально! Печати и вся, и так далее – всё... Порядок! Чего ты?

– Кто такой, этот крендель?

– Я что, должен знать кренделей? На фига?

– Ты фамилию помнишь?

– Говорил, но забыл я. По имени помню: Георгий. Артемович..., опер.

– Ты шутишь?

– Не-ет...

– На бежевой, с черным носом, «пятерке», да?

– Ну да. С черным носом.

Виталик согнал, непослушным, резким рывком, обе рюмки в ладонь. Наполнил. Сжал: будь стекло, не хрусталь – оно лопнуло бы – и, забыв о Сергеиче, выпил.

– Другие, а кто они? Твои гости?

– Это я их позвал. Мне не понравился этот Артемыч, я и позвонил своим, в район, БХССникам.

– ОЗЭПП – это так называется, нынче. «Отдел защиты экономики от преступных посягательств»

– Бог с ними, как они называются, мы с ними всегда дружили. Они познакомились с этим коллегой с таможни, и сказали ему, что Сергеевич – свой человек!

– «Свой»! – передразнил Виталик, – А что он спрашивал?

– Он?

– Ну, конечно!

– У них?

– У тебя.

– Да ничего, знаешь ли, и не спрашивал... Почитал договор, вернул, вот и все.

– И записал себе в книжку?

– Нет. Вот ты знаешь, и ручки не брал. Говорю, все нормально...

– И сахар, конечно, видел?

– Я показал, а куда деваться? Ты сам понимаешь? Но – что с того? Без вопросов: ты сам понимаешь?

– Ты ему и обо мне рассказал?

– Нет. Твоей фамилии в документах нету. Не стал говорить...

– Слава богу, хоть это!

– Да чего ты кипишь, Виталик? – не понимает Сергеич, – Говорю же – нормальный опер: душевный, простой, приветливый. Все бы такими...

«Дурак!» – чуть не крикнул Виталик. И взял себя в руки, спросил:

– Ну а с друзьями твой опер душевный о чем говорил?

– И с ними, нормально: по водочке. Все же свои, боже мой. Там ля-ля, и фа-фа, и фу-фу, – без проблем! Хорошо, Виталик!

– Ну да уж, Сергеевич, да уж, неплохо... но виски мало!

А водка есть?

– Ну, конечно есть!

Дырка в мозгу сквозная...

– Потемкин! – хлестнул по баранке ладонью Виталик, – Потемкин? Ну, да это он!

«Ерунда-то какая! О чем они, господи: «Не стреляйте, братва, не стреляйте друг друга!» – крутится песня в мозгу. В своем ты уме, боже мой, Виталик?

Слова и картинки без спроса и нагло рябили в глазах и плескались волнами в мозгу. Кладбище, вороны; чистый-чистейший, покойный пух, из холодного снега... Как пудра... «Дружище, конечно... Прокол разгрести будешь сам, вплоть до того!» – не идут из ума слова Альфреда, и ладонь, как лопата, под горло, не уходит из глаз, и взгляд, пристальный, как у председателя трибунала...

А как же иначе в делах, где вращаются очень крутые деньги? Вращает их не металл шестеренок – «шестерки» – живые люди, такие как он, Виталик. Хрупкий, в сравнении с железом, материал, но механизм беспощадный: Потемкин – он что виноват? А Виталик? Почему один из них должен убить другого? Во всем виноват Лахновский! Он и такие, как он! Но если Потемкину на фиг Лахновский не нужен, то – кто без него Виталик? Никто!

Виталик физически чувствовал треск. «Вот она и пошла, в полный рост эта ломка! А может, – мелькнула надежда, – она обломает меня, закалит – человеком стану? Такой-то ценной – но если не сломит – таким, как Лахновский стану – не хуже!»

«С бедой не спеши. Пришла она -переспи с нею, поплачь, подумай, потом разумеешь, что с нею делать, – не раз говорила мама. – Беда, может быть, и сама уйдет. А сгоряча таких дел натворишь – натворишь, что вовек не исправить! А поспишь, да поплачешь с бедой – глядишь, и бог даст науку, как от нее избавиться...»

С хрустом сложилась в руке опустевшая банка. «Пиво в лесу, в одиночку и ночью, – бросая в окно комок жести, смеялся Виталик, – ну, волк, – натурально! Отшельник». И, как ребенок, балуясь, потянулся в окно: «А луна, где она?» Луну он увидел, но выть на нее – как отшельник и волк, не стал.

Мудрость в словах, что он слышал от мамы, есть, безусловно. «Во-первых, ну я же пьян... Может, выдумки всё, пьяный бред, всё пройдет, может быть? Может, нет ничего? Паника? Может быть... Лучше бы просто паника...

«Ну а что там, что было? – стал думать он, – Приехал и глянул. Увидел. Что с этого? В чем нарушили что-то, директор и «Трейд и К»? Догадки? Туда их – как шеф говорит – козе в одно место, свои догадки!»

– А все-таки, мама, хана мне! Чего там – хана...

Потому что теперь он, Виталик, дырку в мозгу получил,

сквозную. Шеф умен, хитер, беспощаден – не лиса, а хуже. «Идея твоя!» – похвалил. Похвалил? Приговор зачитал! – вот что сделал он в сауне! Приговор это был, – а не водочка в кайф... «Ну не осел ли я? Полный осел!» – Все понял Виталик. Дошло!

То, что пропали тогда, на посту 40 тонн сахара, шеф стерпел, пережил в одиночку и молча. Там не было крайних. Был опер Потемкин – козьявка, что цапнула больно. Но крайних среди чужих не было, и шеф припугнул своего – Виталика – сигаретами «Ватра». И повелся Виталик, себя, не жалея – вывернул всю свою душу и ум. Нашел выход, деньги приплыли. Хорошие деньги! Да только сегодня, когда эти деньги в утробе хозяина – сегодня Виталик крайний. «Разгрести будешь сам, вплоть до того!»

Виталика, очевидно, ни за какую провинность не уничтожит шеф – выгонит, плюнет и разотрет. Но вот Потемкин – фигура, которую либо возьмет Лахновский – о чем уже говорил, либо – потребует уничтожить. Как уничтожить – проблемы Виталика, ведь фирма работает «под твою инициативу, Виталик. Тебе разгрести!» А Виталик проколется – шеф отвернется, забудет, другого найдет...

«Дырка сквозная – прямо в висок мне, мама!» – плавила горечь хмельную улыбку Виталика. Теперь каждый день начинать надо с мысли о том человеке. Думать о том, – а что думает он? И не знать, что он думает, понимая, что все-таки – что-то думает. И ничего не поделать с этим.

«Проживешь с такой дыркой, мама?»

Виталик еще курил «Мальборо» и еще открывал жесть «Баварии». Он приехал сюда, с глаз подальше, поплакать, подумать и переспать с бедой. Навести «в шарабане» порядок, придумать что-то – потом ехать в город. Зная, что как-то, но жить будет можно...

«Гапчено-Тапченко... – в поисках выхода, стал думать он о Славике. – Семнадцать, по-моему, «ходок», я проплатил на сегодня. Сто – себе, сто -ему. В итоге? Да у него тысяча семьсот, в итоге! Дармовых, абсолютно не заработанных денег! Машину, дружок, поменять ты уже в состоянии, правда?»

Мысль, как муха к пирожному, привязалась к Славе Гапченко. «Так, – думал Виталик, – так... мы о чем? О Потемкине, и про сахар... Гапченко – с того же поста, что и Потемкин. Два звена, как два шлейфа в узле – аварийная скрутка на кабеле. Здесь собака зарыта! Вот это и хорошенько – надо обдумать. Я – маленький Жуков. Штыками солдаты воюют, а маршалы – головой!»

«Пьяный я, точно и глубоко!» – смеялся Виталик, представляя Славика Гапченко со штыком, в атаке...

«Ах, мама, – отсмеявшись, брал себя в руки, – а что мы имеем? Проблема, Потемкин и Славик! Но Славик, – что есть он, что нет... Славик – пешка. Легко в руки взять, и

легко потерять. Бывает ничья, но игры без потерь не бывает! То, что Потемкин и Славик, с одного и того же поста – хороший шанс скомбинировать ситуацию. Например, конфликт и случайный выстрел – чего не бывает на их «производстве»?

Вычислить ход, подобрать фигуру – вот главное. Чужую фигуру с доски уберет не рука – а другая фигура. «Прекрасно! – сжал зубы Виталик, – Другая фигура – это же Славик! Задачу поставила жизнь, извините, друзья!»

«Вот теперь, – твердой рукой поворачивал ключ зажигания, переспавший с бедой, Виталик – Теперь можно ехать!»

Теперь оставалось вложить в руки шахматной пешки, штык. Лахновский это умеет. Сумеет и он, Виталик!

Потемкина вызвал начальник поста.

– За период мы отчитались. Скажи, а реальное что-нибудь на перспективу, даешь?

– Даю.

– Реальное?

– Да.

– Хорошо. Я надеюсь, иди.

– Говорит, что Виталик...

– Давайте! Ало?

– Альфред Петрович, Виталик... Я приболел, извините...

Но, завтра я буду готов. Как обещал, все реально. Управлюсь.

– Не много ли на себя берешь?

– Нет, я подумал, – улыбался Виталик, чувствуя сам, что улыбка мерзкая – клейкая, как говорят. Выпито слишком. Две банки еще оставалось – 0,33 «Баварии». Но и это, мозгам и душе, расслабухи не даст. Он за тридцать минут их выпьет. А после? Покурит и сходит в киоск. Потому что сна, все равно не будет.

Он улыбался клейкой, нелепой улыбкой. «Нелюдь! Шеф – ты же нелюдь!» Скажи ему правду Виталик: «Гарантии «сто» дать никто не может!» – тот завтра же купит ему пачку «Ватры», подарит, и скажет «Счастливо, мой друг!» Нелюдь!

«Но, – допивая последнюю банку и собираясь подняться, пойти в киоск, сказал себе твердо Виталик, – я «Ватру» курить не буду!»

В киоске не пива – напиток полегче, а водки и две пачки «Мальборо».

– О, а я только, Виталик, тебя вспоминал!

– Денег надо?

– Да всегда их надо, но ты ни при чем. Однако, чего ты не в духе?

– Болел.

– Ах, понятно... – посочувствовал Гапченко, – Водка – сначала радость, потом болезнь. – Сам знаю... Но, нынче ты крут. Три места!

Да, за спиной Виталика тихо рычали на холостых оборо-

тах три – семьдесят тонн сахара, ну, как минимум...

– Это намек? – уточнил Виталик.

– Конечно. С первого дня мы договорились: два «Супера» – сто долларов. Но теперь же три, а три – дороже!

– Славик, – рассердился, свел к переносице брови Виталик, – а без меня тебе лучше было? Пока сам я тебе, ни с того, ни с сего, добровольно не стал подавать?

– Подавать? – возмутился Славик.

– Ну, не цепляйся. Не в духе я, видишь? Хватит.

– Ну, хватит... – сдержался Славик, – Но, то было раньше!

– Бери, Слав, то, что есть, а потом, – подумаем.

– Ладно. Но ты подумай – не за два – за три «Супера» с сахаром, сто долларов – мало!

– Сергеич, ну что, с длинным носом в гостях никого больше не было?

– Нет, никого!

Круто, так круто, менялась жизнь! Никогда еще столько, когда говорил, не думал. Но шеф висел тенью над головой. Он живое, может быть, и ценил: у него есть ротвейлер и какие-то супер-японские кошки. Но это не значит, что он может любить людей, а Виталика – так вообще...

Но сказать, что запросы у Славика стали побольше, придется. Поверит?

– Сергеич, ты как по деньгам? Доволен?

– Да что ты, конечно! Я вон и людям уже помогать могу. Без зарплаты они поголовно. Ты знаешь, ты доброе дело делаешь всем, Виталик!

– Дай бог, а хорошая водка есть?

– Да, «Абсолют»!

– Ну, давай! – жарко потер ладони Виталик, а через тридцать секунд, почувствовал вдруг провал – как пролом в голове – и тишина. Оглох, встрепенулся, потрянул головой и поднял глаза.

– Виталик, – тревожно смотрел на него, Сергеич...

Виталик пришел в себя:

– А что он узнал обо мне?

– Это кто, опер твой? Ты о нем все думаешь? Ничего не узнал.

– Это точно?

– Да, потому, что он о тебе ничего не спрашивал! На хрен, мне кажется, ты ему не нужен...

– Что-что?!

– Успокойся, Виталик, чего ты кипишь? Я не понимаю...

Я вот что, Виталик, хотел бы сказать. Ерундой – не понятно зачем – забиваешь голову! Совершенно нормальный сотрудник, приехал и посмотрел. Нет претензий – и все! Я вообще-то, хотел познакомить вас. Пожалел, что вы разминулись. А что, свой человек на таможне? Накорми его лишний раз, напои, дай водки и хлеба в дорогу – и не жалея. Что в его власти – во всем поможет. Я куплю для него, прямо завтра

же, виски...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.